



Александр Фомин

**«Голос из пещеры:
Иларион и его Слово»**

Александр Фомин

**«Голос из пещеры:
Иларион и его Слово»**

«Автор»

2026

Фомин А.

«Голос из пещеры: Иларион и его Слово» / А. Фомин — «Автор»,
2026

Середина XI века. Киев. Человек по имени Иларион выкапывает себе пещеру «в две сажени» и уходит туда — молчать, молиться, читать. Годами. А потом выходит — и говорит. В Софии, в праздник, перед князем и народом. Говорит то, что нельзя было не сказать: «Вы — не рабы. Вы — свободные. Вы — наследники». Эта книга — о «Слове о законе и благодати». О первом русском манифесте свободы, равенства и достоинства. О том, как слово рождается в тишине — и становится голосом. О загадке даты (1038 или 1049?), о спорах вокруг авторства, о пятидесяти двух списках и трёх редакциях. О том, как «Слово» отозвалось в летописях, в сербских житиях, в спорах учёных. Не учебник. Не монография. Живое повествование о человеке из пещеры — и о голосе, который звучит сквозь тысячу лет.

© Фомин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Человек	7
Глава 1. Тишина перед словом	7
Глава 2. Берестово: человек из двух миров	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

«Голос из пещеры: Иларион и его Слово»

Предисловие

О чём эта книга

Эта книга — о слове. О слове, которое прозвучало в Киеве, в Софии, в середине XI века. О слове, которое сказал человек по имени Иларион — священник, книжник, молитвенник, а потом митрополит. О слове, которое он назвал «Словом о законе и благодати».

Но это не учебник. Не справочник. Не академическая монография. Это — рассказ. О человеке. О его пещере. О его тишине. О его выходе. О том, как слово рождается в молчании — и становится голосом. И о том, почему этот голос звучит до сих пор.

Мы уже написали две книги. «Книгу под воском» — о Новгородском кодексе. О трёх дощечках. О мальчике, который учился писать. О тексте, который никто не должен был увидеть. И «Свет Евангелия» — об Остромировом Евангелии. О 294 листах пергамента. О золоте. О миниатюрах. О книге, которую видели все.

Это были книги о вещах. О воске. О пергаменте. О том, что можно потрогать.

Эта книга — о другом. О том, что нельзя потрогать. Но что можно услышать. Это — третья точка на карте русской книжности. И без неё карта была бы неполной.

Три стихии

Мы начали с тишины. С воска. С черновика. С того, что лежало под слоем воска и ждало своего часа. Потом мы взяли в руки свет. Пергамент. Золото. Книгу, которую читали в церкви. А теперь — голос. Слово. То, что звучит. Не «вещь». Не «книга». А «речь». Живая. Настоящая.

Тишина → Свет → Голос. Воск → Пергамент → Слово. Ученик → Мастер → Мыслитель. Я → Мы → Мир.

Три книги. Одна история. История русской книжности. От первого «аз» на воске до «Слова» с кафедры Софии.

Как мы будем читать

Мы будем идти медленно. Не спеша. Как шёл Иларион из Берестова на свою гору. Как копал свою пещеру. Как читал при свече. Как молчал годами. А потом — вышел. И сказал.

Мы посмотрим на человека в пещере. На его книги. На его молитву. Мы увидим его в миру — в Берестове, рядом с князем, среди людей. Мы услышим его слово — в Софии, в праздник, в юбилей. Мы разберём, как устроен его манифест. Закон и Благодать. Агарь и Сарра. Владимир как апостол. Мы пройдем через споры о дате — 1038 или 1049. Через рукописную традицию — пятьдесят два списка, три редакции, один «эталон». Через эхо — летописи, сербские жития, позднейшие переработки. И через разговор — с нами. Сегодня.

Иногда будет сложно. Богословие — не самая простая наука. Текстология — не самая увлекательная. Но мы постараемся объяснить всё просто. Без воды. Без снобизма. Так, чтобы было интересно и школьнику, и взрослому. Чтобы вы не «изучали» Илариона. А читали его. Как рассказ. Как детектив. Как историю о человеке, который копал землю, молчал годами — и сказал слово, которое пережило его на тысячу лет.

Для кого эта книга

Для тех, кто любит историю. Не даты и не схемы. А живые судьбы. Живые голоса. Живые слова.

Для тех, кто любит книги. Не только читать. А слышать. Как звучит текст. Как он дышит. Как он говорит.

Для тех, кто думает, что наука — это скучно. И хочет убедиться в обратном. Потому что наука — это страсть. Это спор. Это поиск. Это радость открытия.

Для тех, кто хочет понять, откуда есть пошла русская мысль. Не «вообще». А конкретно. Через одного человека. Через один текст. Через одно слово.

И для тех, кто уже читал первые две книги. Чтобы увидеть: вот третий полюс. Не вещь. Не книга. Слово. И всё равно — живое. Человеческое. Настоящее.

Почему сейчас

Потому что «Слово» «далеко не изучено». Потому что спорят о дате. О месте. О смысле. О жанре. Потому что наука — не закончена. Она продолжается. И мы можем в ней участвовать. Хотя бы — читая.

Потому что слово, сказанное тысячу лет назад, всё ещё говорит. И мы можем его услышать. Не через мистику. Не через чудо. А через труд. Через внимание. Через любовь.

Потому что «Слово» — это не про «прошлое». Это про нас. Про наше «сегодня». Про наши вопросы. Про наши страхи. Про наши надежды. Иларион говорит: «Вы — свободные». «Вы — наследники». «Вы — свои». И это звучит до сих пор.

Что вы найдёте в этой книге

Вы найдёте человека. Илариона. Который выкопал себе пещеру «в две сажени» и молился в тишине. Который читал греческих отцов и знал латинские гимны. Который стоял в Софии среди мозаик и говорил так, что стены слышали. Который дружил с Ярославом и спорил с Константинополем. Который исчез так же загадочно, как и появился.

Вы найдёте слово. «Слово о законе и благодати». Не «памятник литературы». А манифест. Первый русский манифест свободы. Равенства. Достоинства. Три части. Три голоса. Закон и Благодать. Похвала Владимиру. Молитва.

Вы найдёте загадки. 1038 или 1049? София или Золотые ворота? Иларион или «некий киевский священник»? Иларион или Никон Печерский? Ответов нет. Есть гипотезы. Есть споры. Есть приглашение.

Вы найдёте свет. Тот самый. От свечи в пещере. От мозаик Софии. От глаз на инициале. От страниц, которые читали в церкви. И от того света, который слово несёт до сих пор.

Обращение к читателю

Эта книга — не для того, чтобы «узнать факты». Факты можно найти в энциклопедии. Она — для того, чтобы почувствовать. Услышать. Увидеть. Понять.

Мы не будем «проходить» Илариона. Мы будем его читать. Медленно. Внимательно. С уважением. Как читали в XI веке. Вслух. С интонацией. С паузами.

И может быть — в конце — вы услышите голос. Тихо. Сквозь тысячу лет. «Вы — не рабы». «Вы — свободные». «Вы — наследники». И вы не побойтесь. Потому что поймёте: это — не «ошибки». Это — жизнь. Это — подвиг. Это — свет.

Часть I. Человек

Глава 1. Тишина перед словом

Гора над Днепром

Есть место под Киевом, которое трудно найти, если не знаешь дороги. Гора. Лес. Склон, поросший орешником и дикой яблоней. Внизу — Днепр, широкий и медленный. Весной он разливается так, что вода доходит до самых холмов. Летом — блестит на солнце. Осенью — темнеет и становится тяжёлым. Зимой — застывает и молчит.

На этой горе, в середине XI века, была пещера. Небольшая. Выкопанная в глине и песке. Вход — узкий, приходилось нагибаться. Внутри — темно. Свет — только от свечи или от лучины. Воздух — сырой, пахнет землёй и воском.

В этой пещере жил человек. Звали его Иларион.

Он не был отшельником в полном смысле слова. Он не уходил из мира навсегда. У него было послушание. Он был священником — «пресвитером» — при церкви святых апостолов в Берестове. Это княжеское село, любимое село Ярослава Мудрого. Там был княжий двор. Там была церковь. Там он служил. Крестил. Причащал. Говорил проповеди.

Но когда служба заканчивалась, он уходил. Не домой. Не в княжие палаты. А на гору. В лес. В пещеру. И там — молчал. Молился. Читал. Думал.

Летописец назовёт его позже: «муж благ, книжен и постник». Три слова. Добрый. Книжный. Постящийся. Но за этими тремя словами — целая жизнь.

Пещера «в две сажени»

Макарий (Булгаков), историк Церкви, описал это так: Иларион «уходил из Берестова на соседнюю гору, выкопал себе пещеру в две сажени и предавался там уединённой молитве и богомыслию».

«Две сажени» — это около четырёх метров. Не дворец. Не келья. Но и не нора. Достаточно, чтобы стоять в полный рост. Достаточно, чтобы поставить стол. Положить книги. Зажечь свечу.

Он копал её сам. Не нанял работников. Не попросил князя. Сам. Руками. Лопатой. Может быть, несколько недель. Может быть, месяцев. Он выносил землю. Утрамбовывал стены. Делал вход. И когда закончил — вошёл. И закрыл за собой дверь.

Что он там делал? Молился. Читал. Думал. Но главное — он готовился. К чему? Он сам, может быть, не знал. Но чувствовал: что-то должно произойти. Что-то большое. Что-то, для чего нужна тишина.

Книги в пещере

Он был книжником. Это значит, что он умел читать. И не только по-славянски. Он знал греческий. Он читал отцов Церкви. Он знал Евангелие наизусть — не потому, что зубрил, а потому, что читал его каждый день. Он знал Псалтирь. Он знал пророков.

В пещере у него были книги. Немного. Пергамент дорог. Но самое нужное — было. Может быть, Евангелие. Может быть, Апостол. Может быть, несколько листов с творениями Григория Богослова или Иоанна Златоуста. Он читал при свече. Медленно. Вслух. Как читали в древности — не глазами, а губами. Слово должно было звучать. Даже в пещере. Даже в тишине.

И он запоминал. Не «зубрил». А впитывал. Так, что потом эти слова становились его собственными. Он мог сказать «Авраам», и это было не «библейское имя», а живой человек. Он мог сказать «Сарра», и это была не «жена Авраама», а женщина, которая смеялась. Он мог сказать «благодать», и это был не «термин», а свет.

Тишина

Тишина в пещере была особая. Не пустая. Не мёртвая. Живая. Она звенела. Она давила. Она заставляла слышать себя. И в этой тишине он слышал — не голоса, нет. Он слышал вопросы.

«Зачем Бог создал мир?»

«Почему одни народы знают Его, а другие — нет?»

«Что такое Закон? И что такое Благодать?»

«Почему Русь стала христианской? И что это значит?»

Он не записывал ответы. Он их вынашивал. Как женщина вынашивает ребёнка. Медленно. В тишине. В темноте. В молитве.

И может быть, именно там, в пещере, он впервые увидел свою будущую книгу. Не как «текст». А как слово, которое нужно сказать. Вслух. Перед людьми. В Софии. В праздник. В юбилей.

Но пока — он молчал.

Гора, которая станет монастырём

Он не знал, что эта гора станет святой. Что через несколько десятилетий здесь появится монастырь. Что сюда придёт Антоний — будущий основатель Киево-Печерской лавры — и выкопает свою пещеру. Что здесь будут жить монахи. Что здесь будут писать летописи. Что здесь будет создаваться русская книжность.

Он просто копал. Молился. Читал. И ждал.

И может быть, именно поэтому его пещера стала началом. Не потому, что он «выкопал». А потому, что он освятил это место. Своей тишиной. Своей молитвой. Своей готовностью.

Человек, который знал цену тишине

Иларион был человеком своего времени. Он жил в эпоху, когда Русь только что приняла христианство. Когда строились храмы. Когда переписывались книги. Когда князья воевали друг с другом и с внешними врагами. Когда мир был молодым и жестоким.

Но он выбрал тишину. Не потому, что был «слаб». А потому, что знал: слово рождается в тишине. Мысль зреет в молчании. И прежде чем говорить — нужно услышать.

Он ушёл из мира — на время. Чтобы вернуться — с миром. Чтобы сказать то, что нельзя сказать в суете. Чтобы выйти на кафедру — и не побояться.

Что будет дальше

Через несколько лет он выйдет из этой пещеры. Не просто «священник из Берестова». А митрополит Киевский. Первый русский на этой кафедре. И произнесёт слово, которое услышит вся Русь. И не только Русь.

Но это будет потом. А пока — гора. Лес. Пещера. Свеча. Книга. И человек, который молчит. Ждёт. Готовится.

Иларион. Священник. Книжник. Молитвенник. Человек, который знал цену тишине.

Глава 2. Берестово: человек из двух миров

Утро в Берестове

Утро в Берестове начиналось рано. Солнце только поднималось над Днепром, а в церкви святых апостолов уже горели свечи. Пахло воском и ладаном. Люди шли на службу — кто-то с работы, кто-то до работы, а кто-то просто потому, что так было принято. Так было правильно.

Иларион служил. Он стоял у алтаря, выходил на амвон, читал, пел, говорил проповедь. Не длинную. Не «красивую». Простую — чтобы поняли, чтобы запомнили.

Он не был «звездой» и не был «оракулом». Он был священником. Человеком, который стоит между Богом и людьми, между небом и землёй, между тишиной пещеры и шумом мира.

И это было его второе лицо. Первое оставалось там, на горе. В пещере. Один на один с Богом. А здесь — с людьми. С их бедами, вопросами, грехами и надеждами.

Берестово было княжеским селом. Любимым селом Ярослава Мудрого. Здесь был княжий двор, здесь останавливался князь, когда приезжал из Киева. Здесь были палаты, конюшни, амбары. И люди. Много людей.

Церковь святых апостолов была не простой церковью. Это была княжеская церковь. И Иларион был не простым священником. Он был старшим священником — «пресвитером». Человеком, которому доверял князь. Человеком, которого знали все.

Князь, который строил

Ярослав Мудрый был не просто князем. Он был строителем. Он строил Софию Киевскую. Он строил Золотые ворота. Он строил стены вокруг города. Он строил новую Русь.

Он не был святым в узком смысле. Он воевал, хитрил, мог быть жестоким. Но он понимал главное: Русь нужно не только защищать мечом. Её нужно строить словом. Книгой. Церковью. Правом.

И для этого ему были нужны люди. Не «слуги». Не «исполнители». А те, кто понимал. Кто видел дальше. Кто мог сказать своё слово.

Иларион был одним из них.

Они встречались в Берестове. Князь приезжал, священник служил, и они говорили. О церкви. О книгах. О Византии. О Руси. О том, что будет.

Это не были «официальные приёмы». Это были разговоры. Тихие, вдумчивые, долгие. Может быть, за столом. Может быть, на прогулке. Может быть, в церкви, после службы.

И в этих разговорах рождалось то, что потом станет «Словом».

Два мира Илариона

Иларион жил в двух мирах. И это было его силой.

Первый мир — пещера. Тишина. Молитва. Книги. Бог. Вечность. Там он был один. Там он слышал не голоса людей, а голос Бога. Там он видел не лица, а истину. Там он готовился.

Второй мир — Берестово. Люди. Служба. Князь. Разговоры. Политика. Жизнь. Там он был среди людей. Там он слышал их вопросы. Там он видел их нужды. Там он понимал, что нужно сказать.

И он не разрывался между этими мирами. Он соединял их. В нём тишина становилась словом. Молитва становилась проповедью. Вечность становилась историей. Бог становился Русью.

Это было редко. Очень редко. Люди обычно выбирают одно — или молчание, или говорение. Иларион выбрал и то, и другое. И это сделало его тем, кем он стал.

«Русская Правда» и «Слово»: две стороны одной программы

Ярослав не только строил храмы. Он строил право. При нём появилась «Русская Правда» — первый писанный свод законов Руси. Это было революцией. Не «обычай». Не «воля князя». А закон. Писанный. Общий. Для всех.

И Иларион был рядом. Может быть, он не писал сам текст. Может быть, не сидел с писцом. Но он знал. Он видел. Он понимал, что это значит.

«Русская Правда» и «Слово о законе и благодати» — это две стороны одной программы. Одна — юридическая. Другая — идеологическая. Одна говорит: «Вот закон для Руси». Другая говорит: «Вот место Руси в мире».

И вместе они создают новую Русь. Не «вотчину» князя. Не «провинцию» Византии. А государство. С правом. С церковью. С историей. С будущим.

Иларион и Ярослав делали это вместе. Не «князь приказывает» — «священник исполняет». А два человека, которые понимают друг друга. Два строителя. Два мыслителя. Два русских.

Момент, когда тишина стала словом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.